

может одушевляться и приобретать черты, присущие человеку. Так для А. Marvell время – это крылатая **колесница**: Time's winged **chariot**. Е. Sitwell называет время **прялкой**:...For everything comes to the shadows at last / If the **spinning-wheel** Time move slow or fast... Время может быть **взяткой** Time lodg'd in their own hands is Folly's **vails** (Е. Young) и тяжелой **ношей, бременем** ...The **hours** are **heavy** on him and the **days**; / The **burden** of the **months** he scarce can bear... (J. Thomson). W. Shakespeare олицетворил само понятие Времени: Time's best **jewel**... Time's **chest**... Время, подобно скупцу, хранит у себя в сундуке накопленные им сокровища. Для поэта человек – лишь **шут, игрушка** в руках времени: Time's **fool**. J. Milton олицетворяет время с неуловимым **вором**, который крадет у людей юность: Time the subtle **thief** of youth. (Иллюстрации взяты из: An Anthology of English and American Verse. Progress Publishers. – Moscow, 1972. – 720 с.)

В английской художественной литературе время, как правило, характеризует-ся анимистической направленностью, отражением конкретных этапов жизни человека, наиболее насущных в данный период жизни общества явлений. Разное видение определенных периодов и эпох, их индивидуальное восприятие и авторская интерпретация раскрываются в достаточно обширном пласте исходных ЛСВ. Первичные ЛСВ темпоральных метафор помогают поэтам выразить многообразие временной палитры.

Литература

1. Аксенов, Г.П. Причина времени / Г.П. Аксенов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ЭПИТЕТОВ

*Н.В. Жданович, кандидат филологических наук,
доцент, декан факультета начального образования*

Эпитет – традиционное средство создания образа, однако, несмотря на многовековую историю изучения, не получившее до настоящего времени исчерпывающего определения. Это обусловлено особым статусом эпитета в системе изобразительно-выразительных средств языка. Он занимает промежуточное место, находится между тропами и фигурами: если основные тропы – метафора и метонимия – представляют собой семантические процессы, сущность которых заключается в переносе значения, переименовании предмета, эпитет – это атрибут, «приложение» к слову, при котором его основное значение не сдвигается, но не исключает обогащения новыми дополнительными смыслами. Иначе говоря, эпитет является лингво-эстетической категорией: с одной стороны, это лексическая единица – слово, а с другой – это определение в особой функции. Противоречивость взглядов на понятие эпитета обуславливает существование множества классификаций художественных определений.

В.М. Жирмунский выделяет постоянные и поэтические эпитеты; А.П. Евгеньева – античные, классические, романтические, реалистические; М.Э. Снегирев – по-

стоянные, любимые, неожиданные, тавтологические; О.С. Ахманова – объяснительные, перенесенные, порицательные, постоянные, тавтологические; И.Б. Голуб – общеязыковые, индивидуально-авторские, народно-поэтические, усилительные, уточнительные, контрастные; К.С. Горбачевич, Е.П. Хабло – общеязыковые, народно-поэтические, редкие. Этот перечень можно продолжить, поскольку исследователи кладут в основу своих классификаций разные принципы: генетический, семантический, стилистический, дистрибутивный. Не вызывает возражений только структурный принцип: в зависимости от него эпитеты делятся на простые, сложные и слитные (неверное здоровье – простой, златочешуйчатые воды, мощно-крылатая мысль – сложные, соблазнительно пышная луна – слитный).

Несмотря на разные взгляды исследователей на эпитет, в классификациях прослеживается повторение их некоторых разновидностей. Это является основанием для того, чтобы признать дифференциацию эпитетов на *постоянные, общеязыковые, индивидуально-авторские* определения инвариантной. Рациональность такой классификации заключается в том, что она учитывает основные принципы – генетический, семантический, стилистический – и отражает эволюцию мышления и способов художественного отражения действительности, фиксирует степень проявления индивидуального, личностного начала в осмыслении ситуации.

История эпитета в генезисе представляет собой постепенное движение от общего к частному, от частного к единичному. Постоянный эпитет отражает универсальное представление о том или ином фрагменте действительности (*синее море, чистое поле*); общеязыковой эпитет характеризует свойственное, как правило, большинству носителей языка восприятие реалий (*нежная любовь, ослепительный снег, жгучий мороз*); индивидуально-авторский эпитет представляет субъективную точку зрения, отмечает единичное свойство, исходящее из особенностей мировосприятия автора (*жемчужный дождь /Карамзин/, покорная тишина /Жуковский/, живые слезы /Пушкин/, ветхий день /Баратынский/, завистливая ресница /Лермонтов/, вельсий воздух /Глинка/, несытое внимание /Бенедиктов/*).

Несмотря на подчеркнутый интерес ученых к креативной функции языка и проявлению в нем творческих особенностей языковой личности, индивидуально-авторские эпитеты не были еще предметом комплексного рассмотрения, поэтому нет их типологии и какой-либо универсальной схемы анализа. Мы полагаем, что подобное исследование не должно представлять собой перечень различных интерпретаций нестандартных атрибутивных сочетаний, поэтому и сочли возможным разделить редкие эпитеты на три группы: 1) *потенциальные эпитеты* (*железная судьба /Батюшков/, надменный век /Баратынский/, говорливая дружба /Глинка/, шумные мечты /Пушкин/*); 2) *оксюморонные эпитеты* (*долгое мгновение /Баратынский/, счастливая война /Лермонтов/, злждительное разрушение /Григорьев/*); 3) *оказиональные эпитеты* (*льнистые косы /Капнист/, видозвездный дворец /Бенедиктов/*).

Чем мотивирована подобная дифференциация индивидуально-авторских эпитетов? Прежде всего – особенностями образования нестандартных атрибутивных

сочетаний, в основе которого лежат как лексические, так и грамматические признаки взаимодействующих слов. Даже самые необычные сочетания могут иметь определенные закономерности появления, поэтому дифференцировать индивидуально-авторские эпитеты можно согласно этим закономерностям. Всякое нестандартное сочетание нарушает тот или иной тип сочетаемости, следовательно, в зависимости от этого типа можно дифференцировать и нестандартные атрибутивные сочетания.

Сочетание семантически согласованных слов, но не разрешенных (или «пока» не разрешенных) языковой нормой – следствие нарушения лексической сочетаемости. Определение в таком сочетании – *потенциальный* эпитет. Нарушение семантической сочетаемости обуславливается невозможностью семантического согласования слов из-за их удаленности друг от друга или даже противостояния, и этот тип нарушения лежит в основе *оксюморонного* эпитета. Появление индивидуально-авторских новообразований, в частности *окказиональных* эпитетов, – следствие нарушения словообразовательной сочетаемости.

Художественный текст совмещает «общее», «частное», «единичное», поэтому в нем могут сосуществовать и постоянные, и общезыковые, и редкие определения, но в зависимости от того, какая из этих категорий превалирует, преобладание получает соответствующий тип эпитета. Индивидуально-авторские эпитеты повышают коммуникативную эффективность высказывания, поскольку обладают суггестивным содержанием, поэтому они являются ключом к авторскому замыслу писателя, его идиостилю, выступают уникальным средством обогащения поэтической лексики.

КОММЕРЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ И РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

О.Ю. Лазарева, аспирант кафедры русского языка

Социальные изменения конца XX – начала XXI вв. повлекли за собой возникновение и функционирование огромного количества предприятий, товаров, услуг. Расширение ассортимента пищевой промышленности Республик Беларусь, усиление конкуренции на рынке продуктов питания дало мощный импульс номинационным процессам. Каждый продукт должен быть обозначен именем. «Содержащаяся в имени информация должна носить не столько интеллектуальный, сколько эмоциональный характер – она должна обеспечить запоминание товарного знака, его аттрактивность, эмоционально-экспрессивную окраску, хорошую выделяемость в контексте» [1, с. 55].

Расширение индивидуальных словотворческих возможностей обусловило появление онимов, не регламентированных социально-политическими обстоятельствами, как это было в СССР, а представляющих собой продукт свободной номинативной деятельности языковой личности, что спровоцировало «ономастический бум», или «номинационный взрыв», вызвавший интерес лингвистов. За последние годы